

Гневный возглас благородной супруги Ши вдребезги разбил скорбную атмосферу, которую так старательно нагнетала в зале вдовствующая императрица. Старуха медленно повернула голову к невестке. Её взгляд оставался пугающе безмятежным, но от этого ледяного спокойствия у благородной супруги перехватило дыхание.

Но ведь и сама вдовствующая императрица только что призналась: когда-то, в самые тёмные годы, она стала опорой для юного наследника лишь потому, что была матерью. Материнство дарует силу. И теперь, в зените своего величия, она жаждала отдать всё второму сыну — пусть даже бастарду, чьё рождение было окутано позорной тайной. Опять же потому, что была матерью. А материнская любовь слепа и эгоистична.

Но и благородная супруга Ши тоже была матерью. Матерью, которая даже не знала, жив ли её ребёнок.

А женщины в таком положении способны на любое безумие.

Прежде благородная супруга во всём покорно следовала воле свекрови. И дело было не только в принадлежности к одному клану Ши или необходимости держаться вместе в паутине дворцовых интриг. Главным связующим звеном оставался тот самый мальчик, о котором обе они думали с молчаливым трепетом. Это был их общий секрет, их нерушимая связь.

И вот теперь иллюзии рассыпались прахом. Ребёнок, о котором она грезилась долгими бессонными ночами, её сокровище, ради возвращения которого она была готова пойти на всё, оказался чужим. Оказался сыном вдовствующей императрицы.

Для женщины, жившей лишь надеждой на воссоединение, этот удар был сокрушительным. Разум её помутился от горя, оставив лишь одну отчаянную, жгучую потребность — узнать, что стало с её собственной плотью и кровью.

Забыв о придворном этикете, о сыновней почтительности и разнице в положении, благородная супруга вперила яростный взгляд в лицо старой женщины. В её глазах, лихорадочно блестевших в полумраке зала, сквозила беспощадная решимость, готовая, словно клинок, пронзить чужое сердце.

— Столько лет... — глухо заговорила она. — Столько лет ты заставляла меня верить, что Бай Энь — мой сын. А теперь заявляешь, что родила его сама? Тогда ответь мне... Где мой ребёнок? Где мой мальчик?!

Глядя на обезумевшую от горя невестку, вдовствующая императрица устало прикрыла веки. Она старалась говорить как можно ровнее, чтобы не провоцировать новую вспышку истерики:

— Ты ведь сама помнишь, в каком смятении пребывала тогда. Твои вечные подозрения и страхи привели к преждевременным родам. Младенец родился слишком слабым. Когда его тайно вывезли из дворца, он не прожил и двух дней. Зная, как сильно ты ждала этого ребёнка,

я испугалась, что твоё сердце не вынесет подобного известия, и скрыла правду. Позже я не раз порывалась открыть тебе истину, но как было заговорить об этом? Поверила бы ты? В конце концов я рассудила, что лучше позволить тебе верить в эту ложь. Так у тебя оставалась надежда, согревавшая душу в холодном дворце.

Последние слова она произнесла совсем тихо, словно шептала в бреду или пыталась разжалобить собеседницу, выставив себя безвинной жертвой обстоятельств. Но несчастная мать уже ничего не слышала. Весть о том, что её дитя давно истлело в могиле, выжгла всё внутри. Сердце, замиравшее в груди в сладком предвкушении, словно безжалостно раздавили грязным сапогом.

Она до крови прикусила язык, чтобы не провалиться в спасительное беспамятство. В тишине тронного зала раздался дикий, хриплый смех. Из её глаз катились слёзы, но она продолжала хохотать, глядя на повелительницу Поднебесной с безумным весельем.

— Выходит... — сквозь смех выдохнула она, — я ещё должна благодарить тебя за милосердие? Всё это было ради моего же блага?!

Уловив неприкрытую ненависть в её голосе, вдовствующая императрица нахмурилась. Она бросила быстрый, предостерегающий взгляд на коленопреклоненных членов клана Ши.

Этот жест не укрылся от её невестки. Проследив за её взглядом, благородная супруга посмотрела на старого маркиза Ши и его сыновей, после чего презрительно усмехнулась:

— Думаешь, раз здесь на коленях стоят мои единокровные родичи, я проявлю жалость и замолчу? Ты слишком плохо меня знаешь. Они ведь тоже во всём участвовали, верно? Вы все сговорились и годами держали меня за круглую дуру, а теперь, когда правда выплыла наружу, задрожали от страха? Помнится, именно ты, великая владычица, настояла на том, чтобы я усыновила второго принца. Твердила, будто это расчистит дорогу во дворец для моего драгоценного Бай Эня. Каков замысел! Какое редкое коварство! Пока один законный сын императора послушно таскал для вас каштаны из огня, вы втайне мостили трон для этого ублюдка...

Женщина осеклась. Её покрасневшие глаза широко распахнулись, в них вспыхнуло страшное прозрение.

— Теперь всё сошлось! — закричала она, указывая на старую императрицу дрожащим пальцем. — Тогда, много лет назад, именно ты нашептала мне, будто император не желает моего материнства. Ты же помогла мне зачать, а потом изо дня в день твердила, что этого ребёнка нельзя оставлять во дворце. Мол, государь разгневется, и дитя нужно немедленно отослать ради его же спасения. Я была напугана, боялась, что раздосадованный супруг выместит злость на младенце, и бросилась к тебе в Западную загородную резиденцию. Но за всё время ты впустила меня к себе лишь пару раз, да и то глубокой ночью! Держала на расстоянии, ласково щебеча о том, как мне нужно беречь здоровье. Вся резиденция была в осадном положении, ты никого не принимала из гарема, лишь слала мне редкие снадобья. Я-то, глупая, считала это

заботой! А ты просто тряслась от страха, что я увижу твой раздувшийся живот! И мой бедный мальчик родился раньше срока... Это ведь тоже твоя работа, верно? Подпоила меня чем-то, чтобы поскорее избавиться от помехи! Почему же ты в своих слезливых речах не упомянула об этом? Ты ведь с самого начала всё рассчитала! Твой бастард должен был занять место законного наследника и воцариться над Поднебесной! Скажите, люди добрые, видывал ли свет большую низость?!

Она покачала головой и сделала шаг назад, переводя ледяной, полный презрения взгляд на старого маркиза Ши.

— И вы... вы ведь обо всём знали? — прошипела она. — Знали и молча помогали усадить безродного ублюдка на трон императора!

Старый маркиз Ши стоял на коленях, оцепенев от ужаса. В этот миг любые оправдания казались бессмысленными. Он действительно не мог заявить, что ничего не знал. Вот только старик до последнего мгновения был убеждён, что Бай Энь — тайный сын его собственной дочери, рождённый ею от императора! Именно поэтому он, подчиняясь негласным приказам из Дворца Вечного Доверия, годами расчищал юноше путь к вершине. Кто мог вообразить, что этот баловень судьбы — дитя самой вдовствующей императрицы?

Но скажи он это сейчас вслух — кто поверит? Государь уж точно больше никогда не доверится клану Ши.

Под пронзительный, безумный хохот благородной супруги грязная правда, которую старая владычица так тщательно пыталась прикрыть благородной скорбью, предстала перед собравшимися во всём своём уродстве. Лицо вдовствующей императрицы потемнело от гнева. Она надеялась, что невестка побоится подставить под удар собственную семью, но просчиталась. Обезумевшая баба окончательно лишилась рассудка.

Император безмолвно наблюдал за разыгравшимся представлением. Слезные излияния матери действительно всколыхнули в его душе крупницы детской горечи. Покойный родитель никогда не жаловал его лаской, и те долгие годы, полные страха и зыбкого ожидания, до сих пор отдавались глухой слабостью в груди.

Однако попытка выдать чужака за его собственного сына и подвести того к наследованию престола была преступлением, не знающим прощения. Поднебесная принадлежала роду Цзи. И эти бескрайние земли, завоёванные кровью его предков, не должны были достаться приبلудышу, чей позорный грех сотворения скрывали монастырские стены.

Старая императрица прекрасно знала своего царственного сына. Понимая его слабости, она надеялась отвлечь его внимание от Бай Эня, прикрывшись призраками прошлого. Ради этого она даже не побоялась признаться в кощунственных помыслах, сотворив образ несчастной женщины, доведённой невзгодами до крайности. Подобная исповедь должна была вызвать если не сочувствие, то хотя бы снисхождение.

Однако яростная отповедь благородной супруги Ши мгновенно развеяла эти чары. Собравшиеся в зале царедворцы испытывали лишь глубокое омерзение к изощрённому коварству матушки-императрицы. Хрупкий морок жалости растаял, не успев окрепнуть.

Хан Сиэнь созерцал сотворённый собственными руками хаос с полным равнодушием. Чего на самом деле желала эта престарелая интриганка? Она прикрывалась материнской любовью, но за её словами отчётливо проступала жажда безраздельной власти.

Много лет назад, когда её отношения с сыном-императором дали глубокую трещину из-за безвременной кончины Ван Ина, она внезапно обнаружила, что носит под сердцем дитя от тайного любовника. Не решившись избавиться от плода, она покинула столицу под предлогом паломничества в Западную загородную резиденцию, фактически уступив бразды правления государю. Что же касается глупой Благородной супруги Ши — та с самого начала была лишь послушной пешкой в её сложной игре, расходным материалом, который выбрасывают за ненадобностью.

Возможно, поначалу вдовствующая императрица и не помышляла о том, чтобы посадить бастарда на трон. Но её эгоизм превосходил любые границы, равно как и подсознательный страх. Будучи первой женщиной империи, чьё тело после смерти должно было упокоиться в императорской усыпальнице рядом с покойным супругом, она совершила грех, караемый смертью и вечным позором. Чтобы защитить себя, она принялась плести паутину лжи задолго до родов, просчитывая каждый шаг наперёд.

Она родила нынешнего правителя, а значит, существовал немалый риск, что новорождённый бастард унаследует черты своего царственного брата. Мать желала дать своему любимцу всё самое лучшее, включая верховную власть, и ради этого кто-то должен был стать жертвой. Благородная супруга Ши подходила на роль козла отпущения идеально: уязвлённая невниманием мужа, молодая и глупая, к тому же связанная долгом перед кланом Ши, она легко поддавалась манипуляциям.

Коварный замысел созрел быстро. Когда Благородная супруга Ши разродится, её дитя следовало отдать в чужие руки, обеспечив безбедное существование. Если новорождённый бастард самой императрицы вырастет непохожим на государя, он просто проживёт тихую жизнь в роскоши. Если же сходство окажется слишком явным и вызовет толки, щитом послужит версия об изгнании незаконного сына благородной супруги. Никому и в голову не придёт искать мать среди увядающих святош Западной загородной резиденции.

Разница в поле младенцев старую интриганку тоже не заботила. Кем бы ни разродилась невестка — мальчиком или девочкой, у всесильной правительницы нашлись бы способы подменить дитя. Вот только плод греховной страсти благородной супруги заставил себя ждать. Вызванные зельями преждевременные роды окончательно подорвали здоровье младенца, и тот угас, едва появившись на свет. Судьба чужого выродка ничуть не тронула сердце императрицы. Проворчав сквозь зубы ругательство на "дурное предзнаменование", она велела тайно закопать тельце на задворках, а ради благополучия собственного сына приказала затеплить в дальнем монастыре лампаду вечного поминовения. На том дело и кончилось.

Затем она намеренно разбередила раны убитого горем государя, чтобы под предлогом наведения порядка выкосить из дворца всех лишних свидетелей. Из тех, кто хоть краем уха слышал о тайне родов, в живых не осталось никого, за исключением безродной Госпожи Ван, которой доверили воспитание маленького Бай Эня.

Поначалу её величество желала лишь одного — видеть своего ненаглядного мальчика сытым и невредимым. Госпожа Ван, понимая, чью тайну она хранит, не смела лениться и воспитывала приёмьша в строжайшей строгости. Что же касается мнимого отца, Бай Цзюня, то тот относился к подкидышу с благоговейным страхом и не смел перечить сыну императрицы. Неудивительно, что Бай Энь вырос образцовым благородным мужем — изысканным в речах, безупречным в манерах и искушённым в древних свитках.

Каждый раз, когда во дворце устраивали торжественные приёмы, старая женщина с тайной болью и нежностью вглядывалась в статную фигуру юноши среди гостей. Шли годы, и черты лица Бай Эня всё явственнее напоминали лик правящего государя. Наблюдая за этим сходством и одновременно теряя влияние из-за постепенного укрепления власти императора, старуха ожесточилась. В её душе, словно ядовитые сорняки, проросли семена давней обиды и властолюбия.

И за спиной ничего не подозревающего юноши зашевелились невидимые силы, начав расчищать ему дорогу к вершине.

Борьба за престол во все времена была безжалостной бойней. В живых у императора осталось не так уж много сыновей: старший принц, обделённый умом воин, презирал дворцовые козни; второй принц, несчастный калека Цзи Жун, целиком зависел от воли бабки. Оставались лишь двое: неугодный отцу, но оберегаемый им третий принц Цзи Ло и честолюбивый пятый принц Цзи Хуай.

Всякий, в чьих жилах течёт императорская кровь, жаждет величия. Достаточно было со стороны наблюдать за их грызнёй или незаметно подталкивать соперников к краю пропасти. Стоило одному из них пасть — и цель приближалась на полшага. Хилый и болезненный Цзи Жун никогда не вызывал подозрений, но именно ему предназначалось нанести решающий удар.

Разумеется, в грандиозных замыслах старой императрицы этот внук оставался лишь удобным орудием. Расправившись с братьями, он навеки запятнал бы себя клеймом братоубийцы, а при необходимости на него легко можно было повесить и грех отцеубийства.

Когда по столице поползли бы нужные слухи, а сходство Бай Эня с императором стало бы очевидным для всех, благородная супруга Ши во всеуслышание объявила бы его своим чудесно спасшимся первенцем. Будь то чаша с водой для обряда слияния крови или древнее испытание костей — исход подтасовали бы без труда. Дело требовало времени, медленного созревания и создания преданной гвардии. На это должны были уйти годы.

Возможно, в черствеющей душе старухи ещё тлели остатки материнского милосердия, а

может, она просто желала для своего любимца самой безопасной дороги к власти. Она не собиралась убивать государя слишком рано, чтобы не ввергнуть страну в хаос междоусобицы. В мутной воде переворота Бай Энь легко мог оступиться и сгнуться. Куда разумнее было двигаться неспешно, дожидаясь, пока плод сам упадёт в руки.

"А ведь в прошлой жизни ей, должно быть, всё удалось", — отстранённо подумал Хан Сиэнь.

Цзи Ло тогда действительно встретил смерть от руки Бай Эня. К тому времени прошло уже немало лет, и холёный столичный щеголь наверняка успел превратиться в расчётливого хищника. И вину за гибель третьего принца в конечном счёте наверняка возложили на беззащитного калеку Цзи Жуна.

Схожие мысли сейчас терзали и Цзи Ло, вернувшегося из небытия. Он и помыслить не мог, какая бездна грязи и лжи скрывается за происхождением Бай Эня. Прежде у него возникали смутные подозрения, но заглянуть так далеко он попросту не решался.

Вспомнив свою прошлую жизнь — дружбу с генералом Бай Вэньханем, яростную борьбу с пятым принцем, загадочное исчезновение и гибель военачальника и, наконец, град стрел, пронзивших его собственную грудь, — третий принц содрогнулся от ледяного ужаса. Ему показалось, что за каждым его шагом из темноты наблюдала пара немигающих, хищных глаз, терпеливо ожидавшая, когда жертва сама затянет петлю на своей шее.

Что же касается несчастного Цзи Жуна, то он давно лишился дара речи. Принц безвольно опустился на колени, сокрушённый осознанием того, что вся его жизнь была лишь глупым, жалким фарсом, а сам он — марионеткой в руках безумной старухи.

Впрочем, всё это оставалось лишь догадками. Хан Сиэнь в прошлой жизни не дожил до развязки, да и Цзи Ло не узрел финала чужой игры. Возможно, заговор старой императрицы со свистом лопнул ещё до того, как Бай Энь успел примерить драконий халат. Одно было ясно: в те смутные времена во всей Великой Чжоу не нашлось мужа, способного взвалить на свои плечи бремя власти над Поднебесной.

"Какое мне до этого дело?" — равнодушно подумал юноша.

Его не заботили судьбы династии. Хан Сиэнь желал лишь одного: пока разгневанный император не отдал приказ казнить всех причастных к этому грязному делу, вырвать у заговорщиков признание в убийстве императорского благородного супруга Ван Ина.

В наступившей удушливой тишине Хан Сиэнь неторопливо повернулся к вдовствующей императрице. Его голос прозвучал на удивление спокойно и ровно:

— Полагаю, раз уж тайное стало явным, скрывать более нечего. Однако у меня остался последний вопрос, ответ на который так жаждет услышать третий принц. Почему много лет назад столь внезапно скончался императорский благородный супруг Ван Ин? Смерть настигла

его в весьма примечательное время. Скажите, ваше величество... Не случилось ли так, что покойный господин Ван невольно стал свидетелем того, что ему видеть не полагалось, и тем самым навлек на себя ваш высочайший гнев?

<http://bllate.org/book/20088/2002063>